

Н.Н. Оглоблин

**Красноярский бунт
1695-1698 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.Н. Оглоблин**
Красноярский бунт 1695-1698 гг. / Н.Н. Оглоблин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 47 с.

ISBN 978-5-458-00170-0

Журнал министерства народного просвещения.

ISBN 978-5-458-00170-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Прежде всего Красноярскій бунтъ поражаетъ своею продолжительностію: онъ длился около трехъ лѣтъ. Все это время существовала въ Красноярскѣ выборная организація среди служилыхъ людей: движеніемъ руководили „выборные судьи (судейки)“. Послѣдовательно тремъ воеводамъ—стольникамъ Алексѣю и Мирону Игнатьевичамъ Башковскимъ и Семену Ивановичу Дурново—красноярцы „отказывали отъ воеводства“ и добивались ихъ официальнаго смѣщенія. Всего круче они обошлись съ самымъ „лихимъ“ изъ этихъ воеводъ — съ Дурново, котораго не только держали нѣсколько мѣсяцевъ „въ осадѣ“ (какъ и Мирона Башковского), но въ концѣ концовъ изгнали изъ города, при чемъ воевода только случайно сохранилъ свою жизнь.

Любопытны и другія стороны этого бунта, особенно группировка воеводской и оппозиціонной партій. Послѣдняя, представляя громадное большинство служилыхъ людей, состояла главнымъ образомъ изъ старожилыхъ красноярцевъ, издавна здѣсь поселившихся. Воеводское же меньшинство (около 4-ой части всѣхъ служилыхъ людей) набралось преимущественно изъ новоселовъ — „ссылныхъ людей“, среди которыхъ замѣтную группу составляла часть „ссылныхъ литовскихъ людей и черкасъ“ (другая часть ихъ — почти половина — принадлежала къ бунтовщикамъ), имѣя во главѣ боярскаго сына Василя Игнатьевича Многогрѣшнаго (брата бывшего малороссійскаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго). Возможно, что ональное состояніе ссылныхъ людей заставляло ихъ больше держаться воеводской партіи, чтобы не ухудшить своего положенія. Но и помимо того, здѣсь сказался всегдашній антагонизмъ между кореннымъ и пришлымъ населеніемъ и обычный сибирскій протестъ противъ ссыльной колонизаціи, замѣтный еще съ XVII вѣка.

Въ Красноярскомъ бунтѣ участвовали преимущественно служилые люди, но „шатость“ была и между жилацкими людьми города и уѣзда — между посадскими, крестьянами и ясачными людьми. Но крайней мѣрѣ жилацкіе люди если не всегда участвовали открыто въ бунтѣ, то всегда неизмѣнно сочувствовали и всячески содѣйствовали ему тайно, а явно подавали челобитныя на злоупотребленія воеводъ. „Весь городъ и уѣздъ“ добровольно и охотно признавали власть „выборныхъ судей“.

• Специальный „розыскъ“ о Красноярскомъ бунтѣ производили въ

1695—1699 гг. московскіе „сыщики“ думный дьякъ Давило Леонтьевичъ Поляинскій и дьякъ Давило Андреевичъ Берестовъ, посланные Петромъ Великимъ въ Сибирь для „большаго сыска“ о злоупотребленіяхъ всѣхъ вообще сибирскихъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей ¹⁾. Къ сожалѣнію, этотъ розыскъ сохранился не весь цѣликомъ, да и не былъ законченъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы и представляемъ довольно полное обзорніе этого дѣла.

I.

Фамилія Башковскихъ хорошо была извѣстна въ Красноярскѣ. Еще въ 1686—1688 гг. здѣсь воеводствовалъ Игнатій Васильевичъ Башковскій ²⁾ — отецъ Алексѣя и Мирона, бывшихъ воеводами въ 90-хъ годахъ, когда разгорѣлась Красноярская смута. Съ отцомъ этихъ „лихихъ воеводъ“ красноярцы, повидимому, ладили, по крайней мѣрѣ обвинительныхъ челобитныхъ на него не было и въ Красноярскѣ при немъ было спокойно. Послѣ него воеводствовали два его сына. Первымъ воеводствовалъ въ Красноярскѣ старшій сынъ Игнатія Алексѣй Башковскій, въ 1694—95 гг. Не прошло и года съ его назначенія, какъ на него посыпались челобитья служилыхъ, жилацкихъ и ясачныхъ людей, обвинявшихъ воеводу въ лихоимствѣ и всевозможныхъ „обидахъ и разореніяхъ“.

Свои грабительства А. Башковскій производилъ такъ безцеремонно, что вызвалъ даже порубежныя осложненія—съ сосѣдними калмыцкими и киргизскими землями. Правда, эти затрудненія начались давно—съ 1666 года, при воеводѣ Герасимѣ Петровичѣ Никитиѣ (1663—1666 гг.), который вслѣдствіи притѣсненій и граблѣжъ калмыцкихъ и киргизскихъ торговыхъ людей, приходившихъ въ Красноярскъ. Позже былъ „такой же воевода разоритель и грабитель“ Данило Григорьевичъ Загряжской (1678—1679 гг.), не щадившій и зарубежныхъ сосѣдей, которые вынуждены были въ отместку дѣлать набѣги на Красноярскій уѣздъ. То же самое повторилось и при А. Башковскомъ: съ прїѣзжавшихъ въ Красноярскъ бухарскихъ и калмыцкихъ торговыхъ людей онъ бралъ „великія взятки“ деньгами, товарами, „ясыремъ“ и проч., а въ результатѣ—калмыцкіе и киргизскіе „воин-

¹⁾ См. объ этомъ грандіозномъ „сыскѣ“ конца XVII вѣка (неизвѣстномъ литературѣ) въ главѣ XXVI III части „Обозрѣнія Сибирь. Приказа“.

²⁾ Извѣстечъ своимъ доносомъ на патріарха Никона (см. *Сочиненія*, III, 818).

скіе люди“ стали „приходить войною“ на Енисейскій и Красноярскій уѣзды.

Мало того: красноярцы прямо обвиняли этого „воеводу грабителя и разорителя“ въ „измѣнномъ дѣлѣ“ изъ корыстолюбивыхъ побужденій. Они утверждали, что онъ посылалъ въ киргизскую „немирную орду“ своего человѣка Якова Аргамачка съ свинцомъ, порохомъ, „добрыми конями“ и съ разными товарами. Все это выгодно продавалось киргизамъ, которые съ этимъ же порохомъ и свинцомъ приходили „воевать“ съ красноярцами...

Красноярцы убѣдились, что съ А. Башковскимъ имъ „жить не мочно“, и подняли противъ него бунтъ. Недовольные воеводою служилые люди стали собираться въ „круги“ и устраивать свои „думы и совѣты“. Руководителями движенія были боярскіе дѣти Трифонъ Еремѣевъ, Дмитрій Тюменцовъ, Кононъ Самсоновъ, Григорій Ермолаевъ и Алексѣй Ярлыковъ. Всѣ они были старослужилые красноярцы. мѣстные уроженцы, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на товарищей, прикнувшихъ къ нимъ въ большинствѣ. Во главѣ воеводской партіи—слабой и количественно и качественно, сталъ боярскій сынъ изъ ссыльныхъ черкасъ Василій Многогрѣшный, потянувшій за собою другихъ ссыльныхъ людей.

Не смотря на противодѣйствіе воеводскихъ сторонниковъ Трифонъ Еремѣевъ съ товарищи добились своего: 16-го мая 1695 года они собрались толпою предъ приказною избой и объявили вышедшему на шумъ воеводѣ А. И. Башковскому, что „отказываютъ“ ему „отъ воеводства“. Воевода сталъ угрожать толпѣ карами и требовалъ выдачи „пушихъ заводчиковъ“, но толпа продолжала шумѣть, настаивая на своемъ „отказѣ отъ воеводства“, а часть бунтовщиковъ пошла на воеводскій дворъ и начала грабить „животы“ Башковского. Въ то же время другая толпа разсѣялась по городу и принялась „разорять домишка и грабить животышка“ служилыхъ людей изъ воеводской партіи. Послѣдніе пробовали защищать свое имущество, но бунтовщики „били смертнымъ боемъ“ всѣхъ сопротивлявшихся ¹⁾. Башковскій посиѣднѣлъ уѣхать въ Енисейскъ, опасаясь за свою жизнь.

Бунтовщики торжествовали, когда добились отъѣзда воеводы, и городъ фактически оказался въ ихъ рукахъ. Немедленно они принялись за организацию своего управленія: главные руководители дви-

¹⁾ См. напр. въ столбцѣ 1288 обширную челобитную казака Смена Надѣжина, избитаго тогда и ограбленнаго бунтовщиками Васильемъ Обуховымъ, Игнатомъ Еядуровичемъ, Иваномъ Свобелинымъ и др.

женія Трифонъ Еремѣевъ и Дмитрій Тюменцовъ были избраны „судьями“, вѣдавшими городъ и уѣздъ, т. е. замѣнившими воеводу въ предѣлахъ его власти, но ограниченными „совѣтомъ“ старшихъ служилыхъ людей (боярскихъ дѣтей, „начальныхъ людей“ — атамановъ, пятидесятниковъ и др.) и всенародною „думою“, т. е. собраніемъ всѣхъ участниковъ движенія. Послѣ судей главную роль играли боярскій сынъ Коновъ Самсоновъ и казачій атаманъ Аника Тюменцовъ. брать судьи.

Первымъ дѣломъ судей было остановить начавшійся грабежъ въ городѣ. Это имъ удалось настолько, что даже большая часть пожитковъ А. Башковскаго была спасена и положена на храненіе въ приказную избу. Не удалось только отстоять обширные „сѣстные и питейные припасы“ Башковскаго. Правда, 3 бочки вина (одна съ „двойнымъ виномъ“) судьи отобрали у толпы, но по ея „челобитью“ и „по приговору всякихъ чиновъ служилыхъ людей“ согласились раздать то вино „въ дуванъ“ всѣмъ участникамъ и сторонникамъ бунта.

Затѣмъ судьи принялись за борьбу съ проясками воеводской партіи. Последняя получила неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ только что прибывшаго въ Красноярскъ послѣ годовой службы „на приказѣ“ въ Удинскомъ острогѣ боярскаго сына Степана Иванова, человека очень энергичнаго и преданнаго Башковскому, въ благодарность за полученіе богатаго „приказа“. На встрѣчу Иванову, возвращавшемуся съ „государевою соболиною казною“ и съ собственными, награбленными въ Удинскѣ „животами“, выѣзжали воеводскіе сторонники казачій десятникъ Евсѣй Олферьевъ, казаки Яковъ Щепетовъ, Кирилль Штычиновъ и др., и вели съ Ивановымъ какіе-то переговоры. По пріѣздѣ въ Красноярскъ Ивановъ сразу сталъ въ неприязненные отношенія къ выборнымъ судьямъ и ихъ товарищамъ; тѣ схватили его, отобрали у него соболиную казну и всѣ его пожитки, а самого его убили.

Когда всѣ эти волненія улеглись, судьи съ товарищами отправили въ Москву челобитную на А. Башковскаго, въ дополненіе къ прежнимъ. Они не скрывали ничего изъ послѣднихъ событій, закончившихся изгнаніемъ воеводы, сознавали свою вину предъ „великимъ государемъ“, но въ то же время твердо стояли на томъ, что имъ стало „жить не мочно“ съ этимъ „лихимъ воеводою“. Въ концѣ концовъ они просили прислать „добраго воеводу“...

Воеводу имъ дали, но родного брата только что изгнаннаго ими А. И. Башковскаго...

Повидному, у Башковскихъ была сильная рука въ Сибирскомъ приказѣ, устроившая это неожиданное назначеніе. Въ Красноярскѣ ожидался „сыщикъ“ для „сыска“ о злоупотребленіяхъ А. Башковского, доведшихъ красноярцевъ до бунта. Какъ бы ни былъ этотъ сыщикъ самостоятеленъ и неподкупенъ, но онъ не могъ не считаться съ разными мѣстными вліяніями, среди которыхъ воеводское вліяніе было преобладающимъ. Воевода могъ направить розыскъ куда ему желательно, оказывать давленіе на участниковъ и свидѣтелей бунта, замечать слѣды злоупотребленій своего предшественника, словомъ могъ всячески мѣшать розыску. Всего этого слѣдовало ожидать отъ новаго Красноярскаго воеводы—Мирона Игнатьевича Башковского, явившагося не умрительемъ мѣстной „шатости“, но мстителемъ за брата, пострадавшаго отъ нея. Тяжелые дни наступали для Красноярска, смущеннаго ожиданіемъ новаго воеводы...

II.

Съ Мирономъ Башковскимъ, который пробылъ въ Красноярскѣ воеводой съ августа 1695 года по августъ 1696 года, вернулся въ Красноярскъ и Алексѣй Башковский, который долженъ былъ сдать брату городъ, государеву казну, служилыхъ людей и прочее, и во всемъ этомъ „росписаться“ съ нимъ, т. е. получить „росписной списокъ“ отъ новаго воеводы. Но Алексѣй испугался начавшагося въ городѣ броженія служилыхъ людей, и Миронъ вынужденъ былъ его „отпустить изъ Красноярска, не счетчи“ по казнѣ и не росписавшись съ нимъ.

Никакихъ злоупотребленій Миронъ Башковский не успѣлъ еще совершить, но для красноярцевъ было достаточно, что Миронъ родной братъ только что изгнаннаго ими воеводы. Они предчувствовали, что братъ будетъ мстить за брата, и сразу стали въ неприязненные отношенія къ Мирону, находя для себя оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствительно въ самомъ же началѣ сталъ отличать друзей отъ недруговъ, относясь къ послѣднимъ съ естественною недовѣрчивостью и подозрительностью.

Еще въ ожиданіи М. Башковского и предстоящаго розыска о майскомъ бунтѣ, многіе служилые люди выѣхали изъ Красноярска, скрываясь по своимъ деревнямъ, или у родныхъ и знакомыхъ. Оставшіеся въ городѣ служилые люди вступали въ сношенія съ этими „деревенцами“ и стали требовать возвращенія ихъ въ городъ, для

борьбы съ новымъ воеводою. Въ сентябрѣ „деревенцы“ потянулись въ Красноярскъ.

Воевода узналъ, что большая партія деревенцовъ подъ начальствомъ Василя Обухова направляется въ городъ. На встрѣчу имъ онъ отправилъ своихъ сторонниковъ. Аписима Путимцова и другихъ. Путимцовъ съ товарищи должны были заявить „деревенцамъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ“, чтобы они „въ Красноярскъ многолюдствомъ не ѣздили, а буде кому какая нужда, и они бы ѣхали въ городъ человекъ по три, или по пяти, или по шести“. Но Обуховъ не послушался и со всеѣмъ отрядомъ сталъ подвигаться дальше.

14-го сентября воевода послалъ въ дер. Севастьянову казачьяго десятника Илью Сурикова, съ 10 казаками, давши ему „наказную память“, чтобы онъ доставилъ въ городъ „смутителей“ Василя Обухова и Ивана Гепдоурова. Суриковъ предъявилъ память приказному человекъ дер. Севастьяновой боярскому сыну Федору Самсонову, чтобы онъ тѣхъ „бултовщиковъ сыскавъ, отдалъ“ ему. Но Самсоновъ, уже прикнущій къ партіи Обухова, отказалъ Сурикову въ какомъ бы то ни было содѣйствіи и посоветовалъ вернуться въ городъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. На обратной дорогѣ, въ дер. Хлопуновой онъ встрѣтилъ новый отрядъ деревенцовъ, около 40 человекъ, собравшихся здѣсь изъ села Бузинскаго и деревень Юксѣвской, Нахвальной, Шверской, Шандринской и др.

Деревенцы не обратили никакого вниманія на приказъ воеводы, „учинились великихъ государей указу сильны и непослушны, и тѣхъ заводчиковъ и смутителей не выдали“; они говорили прямо, что если воевода выйдетъ съ ссыльными людьми на поле, они съ ними будутъ биться.

Между тѣмъ, и въ городѣ началось броженіе, когда деревенцы появились въ окрестностяхъ Красноярска, а часть ихъ проникла въ самый городъ. На городскихъ площадяхъ собирались „народные воронскіе круги“, которыми руководили боярскіе дѣти Григорій Ермолаевъ, Копонъ Самсоновъ, Алексѣй Ерлыковъ — „заводчики“ бунта при А. Башковскомъ. затѣмъ новые дѣятели—атаманъ Михайль Злобинъ, сотникъ Иванъ Пospѣловъ и др.

Видя растущій мятежъ, воевода грозилъ „городъ выжечь и вырубить“. Но угроза подлила масла въ огонь. Намѣреніе воеводы было предупреждено заговорщиками: стали горѣть отъ поджоговъ дома воеводскихъ сторонниковъ — казаковъ Оомы Терскаго, Замятни Селиванова и др. Дома другихъ стали подвергаться грабежу.

Такъ прошелъ октябрь, а въ ноябрѣ броженіе вылилось въ открытый бунтъ: 11-го ноября воевода Миронъ Башковскій вынужденъ былъ запереться съ своими сторонниками „въ маломъ городѣ“ (крѣпости), гдѣ и пробылъ съ тѣхъ поръ „въ осадѣ“ до конца августа 1696 года. Съ нимъ находилось около 50 человѣкъ, но за стѣнами крѣпости, недурно вооруженной и съ значительными боевыми припасами, эта кучка людей чувствовала себя достаточно сильною предъ своими противниками.

14-го ноября ударили въ набатъ въ Покровской церкви, куда стали собираться служилые люди съ оружіемъ, посадскіе люди, подгородные крестьяне и ясачные татары. Затѣмъ все это „многочудство, съ ружьемъ, съ копьями и со знаменами“ двинулось къ „малому городу“, подъ начальствомъ боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина и сотниковъ Симона Бѣлянина и Ивана Посиѣлова. Воевода вышелъ на крѣпостную стѣну и выслушалъ отъ Ермолаева „отказъ отъ воеводства“, подкрѣпленный всею толпою. Толпа разграбила оставшіеся въ большомъ городѣ „животы“ Башковскаго—„всѣ безъ остатку“, а также дома воеводскихъ сторонниковъ, засѣвшихъ съ воеводою въ маломъ городѣ.

III.

Пока осада малаго города красноярцами не была строго организована, Миронъ Башковскій успѣшилъ отписать въ Москву, Тобольскъ и Енисейскъ, прося помощи противъ бунтовщиковъ. Первымъ откликнулся тобольскій воевода, ближній стольникъ Андрей Ѳедоровичъ Нарышкинъ, назначившій, по указу Сибирскаго приказа, тобольскаго дворянина Ѳедора Степановича Тутолмина временнымъ красноярскимъ воеводою „на перемѣну“ Мирона Башковскаго.

Тутолминъ былъ назначенъ въ ноябрѣ 1695 г., пріѣхалъ онъ въ Красноярскъ въ февралѣ 1696 г., но не могъ вступить на воеводство, встрѣтивши противодѣйствіе какъ со стороны Мирона Башковскаго—номинальнаго воеводы, продолжавшаго сидѣть „въ осадѣ“, такъ и со стороны „выборныхъ судеекъ“—фактическихъ воеводъ въ Красноярскѣ, управлявшихъ городомъ и уѣздомъ съ половины ноября 1695 г. до 20-го августа 1696 г., когда на смѣну Башковскаго и Тутолмина прібылъ изъ Москвы стольникъ Дурново.—Возвращаемся къ событіямъ послѣ бунта 14-го ноября.

Черезъ нѣсколько дней народная „дума“ занялась избраніемъ су-

дей. На этотъ разъ дума избрала 7 судей: боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина, сотниковъ Ивана Поспѣлова и Симона Бѣлянина, пятидесятниковъ Петра Муравьева и Ларіона Ростовца, десятника Тимофея Потялицына. Только послѣдній былъ изъ черкасъ, остальные изъ красноярцевъ.

Любопытенъ этотъ составъ судей. Изъ служилой аристократіи города избраны только 2 лица (Ермолаевъ и Злобинъ), слѣдующіе 4 судьи (сотники и пятидесятники) принадлежали къ низшимъ начальнымъ людямъ (т. е. по нашей терминологіи — къ оберъ-офицерамъ), а послѣдній судья былъ представителемъ рядовыхъ служилыхъ людей (десятникъ—унтеръ-офицеру). Допущеніе десятника въ составъ судей и равноправное положеніе его съ остальными судьями, представителями офицерства, говоритъ о значительномъ развитіи выборнаго начала въ красноярской „народной думѣ“. Слѣдуетъ также отмѣтить слабое участіе въ составѣ судей представителей служилой аристократіи, сильной своимъ положеніемъ, влияніемъ и матеріальными средствами. Большинство составили „средніе люди“, стояшіе между высшими начальными людьми и рядовой массой.

Всѣмъ этимъ „выборнымъ судьямъ“ служилые люди „выборъ дали“, т. е. составили актъ избранія и подписали его въ лицѣ своихъ представителей.

Для завѣдыванія разными хозяйственными дѣлами и специально кружечнымъ дворомъ дума избрала цѣловальникомъ посадскаго чело­вѣка Ивана Ростового.

Послѣ отказа Мирону Башковскому Григорій Ермолаевъ, бывшій тотъ годъ приказнымъ чело­вѣкомъ въ селѣ Ясауловѣ, вернулся на свой приказъ, выжидая событій въ то „отказное время“. Избравши его въ число судей, дума послала къ нему нѣсколькихъ служилыхъ людей, съ приглашеніемъ прибыть въ Красноярскъ. Ермолаевъ почему-то сталъ отказываться, но долженъ былъ уступить настояніямъ прибывшихъ служилыхъ людей и мѣстныхъ крестьянъ: его почти „сильно“ привезли изъ Ясаулова въ Красноярскъ.

При равноправіи всѣхъ 7 судей, Григорій Ермолаевъ былъ старшимъ товарищемъ среди нихъ и оставался въ этой роли до апрѣля 1696 г., когда былъ смѣщенъ съ судейскаго мѣста. Чѣмъ онъ провинился предъ красноярцами—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ онъ самъ не объясняетъ этого въ своей позднѣйшей челобитной, гдѣ рассказываетъ о времени своего судейства. Онъ говоритъ, что въ апрѣлѣ толпа красноярцевъ, подъ предводительствомъ судьи Симона Бѣля-

нина и конныхъ казаковъ Емельяна Смольянинова, Герасима Ошарова и др., явилась къ нему и „отъ судной избы и ото всякихъ дѣлъ отказали, со всякимъ безчестьемъ“... Мало того, его арестовали и посадили „въ судную избу, и на цѣпъ сковали, и приковали къ стѣнѣ, и убить хотѣли“, издѣваясь надъ нимъ всячески.

На мѣсто Григорія Ермолаева никого не выбирали, находя достаточнымъ составъ въ 6 судей. Роль старшаго изъ нихъ перешла къ казачьему атаману Михаилу Злобину. Такимъ образомъ, всѣ судьи оказались представителями казаковъ—главной массы служилыхъ людей, а боярскіе дѣти—высшая служилая аристократія города—не имѣла среди судей ни одного представителя. Здѣсь сказалась обычная въ Сибири XVII вѣка антипатія казаковъ къ боярскимъ дѣтямъ, мѣстами доходившая до открытой „розни“ между ними и нежеланія служить другъ съ другомъ ¹⁾.

По даннымъ розыскаго о бунтѣ дѣла нельзя вполне возстановить той рядовой дѣятельности красноярскихъ выборныхъ судей 1695—1696 гт., которая замѣнила соотвѣтствующую воеводскую дѣятельность. Мы знаемъ, что дѣлопроизводство судной избы исчезло, а документы розыска касаются этой стороны мимоходомъ. Разсмотримъ эти немногіе намеки.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что красноярская „судная изба“ была учрежденіемъ коллегіальнымъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда документы говорятъ, что напримѣръ судья Ермолаевъ, или судьи Ермолаевъ и Злобинъ сдѣлали то-то, то обязательно прибавляется, что они сдѣлали это „съ товарищи“, т. е. по распоряженію всѣхъ 7 судей. Случаи единоличныхъ распоряженій кого-либо изъ судей встрѣчаются лишь тогда, когда рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ того судьи.

Какъ выражаются документы, судьи „дѣлали всякіе государевы дѣла“, т. е. все то, что дѣлали воеводы. Такъ, съ ясачныхъ людей они собирали ясакъ, съ посадскихъ и крестьянъ оброчныя деньги, съ торговыхъ и промышленныхъ таможенные сборы и проч.

Было обвиненіе противъ судей, что при нихъ очень мало собрано ясачной казны (мягкой рухляди) и именно благодаря тому обстоятельству, что они свободно отпускали промышленныхъ людей во всякое время на „соболиныя промыслы“ въ „ясачныя земли“, напри-

¹⁾ См. напр., мой очеркъ „Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ“ въ *Русской Старинѣ*, 1897, № 8, стр. 375—392.

мѣрь, промышленнаго человѣка Константина Котюхина съ товарищи отпустили въ Камасинскую землю, не собравши съ нея государева ясака. Обыкновенно воеводы разрѣшали частнымъ лицамъ собольный промыселъ только послѣ сбора ясака, чтобы лучшіе соболи попали въ государеву казну, а не въ руки торговыхъ и промышленныхъ людей.

Сборы судьями ясака съ ясачныхъ людей, хлѣба съ „нашенныхъ крестьянъ“, оброчныхъ денегъ съ „оброчныхъ крестьянъ“ и посадскихъ людей—всѣ эти факты несомнѣнно говорятъ, что „весь городъ“ и „весь уѣздъ“ добровольно и безъ всякихъ замѣшательствъ подчинились красноярскимъ „выборнымъ судьямъ“ и стали легко забывать порядки воеводскаго управленія.

О послѣднихъ напомнилъ красноярцамъ прїѣздъ въ февралѣ 1696 г. тобольскаго дворянина Ѳ. С. Тутолмина, назначеннаго „на перемѣну“ Мирона Башковскаго. Но здѣсь дѣло обошлось мирно: красноярцы не предпочли Тутолмина своимъ выборнымъ судьямъ, и новый воевода „бездѣльно“ прожилъ въ Красноярскѣ полгода (до прїѣзда Дурново), не имѣя даже той тѣни воеводской власти, какая еще была за М. Башковскимъ, продолжавшимъ сидѣть въ осадѣ въ маломъ городѣ.

Получилось любопытное явленіе — троевластіе: одновременно въ Красноярскѣ находились—а) номинальный старый воевода М. Башковскій, не хотѣвшій хотя бы формально (въ дѣйствительности онъ не могъ) сдать воеводство Тутолмину, б) номинальный новый воевода Ѳ. Тутолминъ, жаждавшій получить воеводство, но не знавшій, отъ кого онъ его получить, в) фактическій воевода—красноярскій „міръ“. твердо державшій въ своихъ рукахъ, въ лицѣ своихъ 7 судей, всѣ функціи воеводской власти и не желавшій никому ихъ уступить. Побѣда (правда, временная) оказалась на сторонѣ послѣдняго.

Когда Тутолминъ сообщилъ Мирону Башковскому о своемъ прїѣздѣ и потребовалъ сдачи воеводства, то Миронъ „въ малой городъ его не пустилъ, и печать и казны и дѣлъ не отдалъ“. Тутолминъ послалъ о томъ отписку въ Москву, а самъ остался жить въ Красноярскѣ „бездѣльно“. Онъ поселился подъ Красноярскомъ въ деревнѣ Ладеской, откуда пробовалъ вступить въ сношенія съ выборными судьями, чтобы при ихъ содѣйствіи выжить Мирона изъ малаго города и самому уесться на его мѣсто. Онъ посовѣтовалъ красноярцамъ „морить голодною смертію осадныхъ сидѣльцевъ“. Красноярцы сначала послушались, „морили ихъ голодомъ трои сутки“, не подпуская къ